

Ч. К. ДАРГЫН-ООЛ

**Диаспора
в мегаполисе:
традиции
и современность**

Социальные изменения постсоветского периода России сильно отразились на структуре населения

столицы государства. Москвичи почувствовали наплыв мигрантов, в обществе и в СМИ пошли дискуссии с рефреном «Понаехали тут...». Сами же приезжие стали получать здесь нечто большее, чем просто средства для выживания. Здесь, в центре социальной и политической модернизации страны, они, особенно представители территорий с традиционными обществами, получают опыт персональной модернизации, одновременно не порывая полностью со своими культурными корнями. Индивидуаль-

ной ломке в той или иной мере подвергаются представители всех возрастов.

В процесс вовлекаются не просто отдельные люди, а целые группы. Можно говорить о трансформации этнокультурных традиций, масштабы и глубина которой удивительны, если рассматривать этот процесс в сравнении с аналогичным в месте проживания основного этноса.

Анализ этот интересен и весьма полезен, если иметь в виду необходимость вписывания традиционного общества в новый модернизирующийся и глобализированный мир. Как же происходит эта трансформация на примере

жизни семей, поколений определенного этноса, вынужденных встраиваться в новые отношения, в новые условия, где нет альтернативы для застывания, для остановки? Что теряют, а что приобретают мигранты на новом месте? Может ли для своей модернизации извлекать уроки из группового опыта «основное» общество? Размышляя над этими проблемами, я обращаюсь к опыту жизни представителей одной диаспоры в Москве — тувинцев, выходцев из Республики Тыва (Тувы) — субъекта Российской Федерации.

Почему я здесь употребляю термин «диаспора»? В данном случае речь идет о новой интерпретации старого понятия, получившей распространение в условиях меняющегося мира. Традиционно диаспорой считалась группа, этническая община, проживающая за пределами своего государственного образования: первоначально понятие это относилось к совокупности евреев, еврейских общин за пределами Палестины. Впоследствии его содержание расширилось до этнических групп, проживающих за пределами своей исторической родины или места проживания основного этноса. До недавних пор диаспоры относились лишь к объектам международных отношений и рассматривались как этнические общности на иной территории, оторванные в силу ряда обстоятельств от своего национального образования — государства («внешняя» диаспора). Подобный взгляд сохраняет ряд исследователей.

Однако, в связи с кардинальными трансформациями и территориальными размежеваниями стран бывшего СССР, а также особенностями российской внутренней жизни с усиленной регионализацией, появились представления о «внутренней» диаспоре. Например, Ж. Тощенко предложил определение диаспоры как устойчивой совокупности людей единого этнического происхождения, живущей в иноэтническом окружении за пределами своей исторической родины (или ареала расселения своего народа) и имеющей социальные институты для развития и функционирования данной национальной общности¹. Сам исследователь констатирует, что нет необходимости в принципиальном противопоставлении двух аспектов

рассмотрения диаспоры — внешней и внутренней. Западный исследователь нашей страны С. Лаллукка также допускает определение диаспоры внутри России² и соответственно различает республику-хозяина и область-хозяина как места нового расселения этнических групп, оторванных от «материнских» этносов. Автор ссылается на тот факт, что национально-государственное строительство в СССР и связанная с ним территориализация этничности привели к тому, что в России сейчас есть разные представления об «этнической родине» и оно закреплено в общественном сознании многих этносов конкретным пространственным очертанием.

Хотя отдельные ученые и сопротивляются подобной тотальной «диаспоризации»³, термин получил новый смысл и стал распространяться.

Я присоединюсь к мнению авторов, которые признают наличие феномена внутренней диаспоры в России. «Источниками» для нее являются в первую очередь те субъекты Федерации, которые часто называют «национальными республиками». Под диаспорой в данном случае понимается этнокультурная общность, проживающая за пределами территории нахождения основного этнокультурного массива. Регионализация страны, в которой одни территории оказались более успешными в модернизационном развитии, а другие — менее, привела к тому, что в миграционные потоки по экономическим, а отчасти и политическим причинам попали целые группы, которые стали отличать особые черты, близкие к классическим характеристикам диаспоры. Среди них: 1) наличие «родины» (региона или страны), где сформировался историко-культурный облик диаспоры и где продолжает жить основного общества, от которого она откололась; 2) представление о «первичной родине», о культурных достижениях; 3) ностальгическая вера в родину как в идеальный дом; 4) убеждение в том, что члены диаспоры должны коллективно служить сохранению или восстановлению своей первоначальной родины, ее процветанию и безопасности; 5) чувство отчуждения у членов диаспорной группы от основного общества.

Исследователи отмечают, что необходимо отличать диаспору от ряда других понятий: эмиграции, колонизации, народа, разделенного государственными границами, не имеющего своей государственности, живущего в рассеянии и не ставящего перед собой задачу создание своей государственности, а также этническую группу, окончательно потерявшую связь со своей исторической родиной⁴. Часто грани между перечисленными категориями бывают размыты. При всем разнообразии признаков диаспоры, присутствующих в исследовательских теориях, все же главнейшей большинство признает самоидентификацию членов диаспоры, отнесение себя к этносу, который «остался» на территории местонахождения, на исторической родине.

В данной статье я обращусь к культурной жизни исследуемого объекта, разумеется, не отбрасывая экономические и политические факторы, определяющие ход и характер этнокультурных процессов. Вектор перемен в диаспоре, как отмечает З. И. Левин, по логике ее развития направлен на сокращение культурной дистанции⁵, то есть на значительные внутренние изменения, трансформацию. Именно поэтому рассмотрение процессов внутри диаспоры дает значительную пищу для анализа проблем модернизационного развития традиционного общества, проблем трансформации этнической культуры. Исследуемый вопрос относится к проблеме мировоззрения эмигрантов, изменения в котором, как признает упомянутый исследователь, являются трудноуловимыми и недостаточно источников для изучения⁶. Я попытаюсь восполнить пробел подобных работ, опираясь на методы социально-философского анализа, учитывающего результаты работ исторической науки, этнологии, социальной психологии, социологии.

Объектом моего исследования являются тувинцы и выходцы из Тувы, проживающие в Москве и Московской области. На мой взгляд, община, которая наличествует в этом регионе, может характеризоваться как «внутренняя диаспора». Собственно у тувинского этноса есть своя историческая родина на территории Республики Тыва (другое название —

«Тува»), на которой и происходило его формирование в течение многих веков, этногенез завершился к XVIII веку. Общая численность населения здесь составляет 305,5 тыс. чел. (по данным Всероссийской переписи населения 2002 г.). Тувинцы являются титульным народом этого субъекта федерации и насчитывают здесь 77,02% (235,3 тыс. чел.).

В течение XX века этнокультурная жизнь Тувы претерпевала изменения, в том числе из-за этнического «разбавления» населения, которое до конца XIX века было гомогенным. Трансформация этнокультурной жизни происходила также под влиянием политических, экономических, социальных факторов, при этом культура в свою очередь влияла на все другие сферы общественной жизни. Эти проблемы считаются ныне приоритетными в исследованиях современной социальной жизни Тувы.

Тувинцы, живущие за пределами своей исторической родины, представляют собой интересный объект для исследований, в том числе и в плане социокультурных процессов. Однако, более изученными с этой точки зрения являются тувинцы, проживающие в Китае и в Монголии⁷. Живущие же в других регионах представители этого этноса и общины практически не рассматриваются научной мыслью. Московские тувинцы до последнего времени вовсе не попадали в поле зрения исследователей.

Ситуацию сегодня, на мой взгляд, пора менять. Тем более что в последние пять лет стала по-новому осмысливаться социальной мыслью сама Москва как центр межэтнической интеграции, как мегаполис, в котором с основным населением сосуществует большое количество как «старых», так и «новых» диаспор. Ю. Арутюнян отмечает тот парадокс, что этническая структура населения Москвы в результате происшедших перемен преобразилась и, перестав быть столицей многонационального Союза, она наперекор элементарной логике заметно «полиэтнизировалась»⁸. Это представляет большой интерес для исследований, формирует целое поле новых проблем, в том числе связанных с жизнедеятельностью отдельных групп.

Община тувинцев и выходцев из Тувы в Москве не столь многочисленная, как, крупные диаспоры, к примеру, татарская, еврейская, армянская и пр. По результатам Всероссийской переписи населения 2002 г. в Москве насчитывалось 415 тувинцев, в Московской области — 90. Иными словами, статистика 2002 г. нам дает цифру 505 человек. Однако, спустя два года, тувинцев и выходцев из Тувы в мегаполисе (включая Московскую область), по неофициальным подсчетам сотрудников Постоянного представительства Республики Тыва при Президенте РФ, насчитывалось более одной тысячи человек⁹. Ныне цифра неофициальных подсчетов доходит до 1,5–2 тыс. человек. К сожалению, на официальную статистическую информацию сложно опираться, так как в ней не учитывается число тех, кто временно работает в Москве (и даже учится), и при этом имеет постоянную регистрацию в Туве. Диаспора, состав которой рассмотрим ниже, относительно мала по численности, но, я полагаю, что в качестве объекта для изучения интересующих нас процессов вполне может рассматриваться.

В центре моего внимания находятся, прежде всего, трансформации традиций духовной культуры — ценностей (или категорий культуры). В отношении многих видов обрядности (свадебной, похоронной и пр.) тувинцев в Москве можно сказать, что они практически не отличаются от общероссийских, поэтому речь идет о мировоззренческой стороне проблемы. Анализ опирается на мои наблюдения в Туве и Москве, беседы, интервью с представителями диаспоры в столице России (в том числе опубликованными в тувинской газете «Центр Азии» в 2003–2005 гг.). Следует отметить, что данное исследование не может претендовать на всю полноту охвата тематики и может рассматриваться как предварительное для последующей работы, в том числе специалистов в области этнологии, этносоциологии, лингвистики и пр.

Группа выходцев из Тувы в Москве собственно диаспорой («внутренней российской») может считаться, начиная с конца 1990-х годов. Именно с этого времени миграция из Тувы в столицу России стала приобретать массовый характер. В советский период она не была зна-

чительной. Наоборот, длительное время в демографических процессах превалировал приток специалистов в Туву из других регионов страны. Постсоветское время с развалом системы прежних экономических связей между регионами стало характеризоваться обратным процессом.

Условно можно разделить «волны» миграции из Тувы в Москву (как, собственно, и в другие российские регионы) на две: 1) в советское время, 2) в постсоветское. В первой участвовали, прежде всего, представители некоренной национальности Тувы, а также тувинцы в смешанных браках. Вторая волна может считаться более «тувинской» по своему составу, которая собственно и привела к формированию общины-анклава — тувинской диаспоры. В результате двух «волн» тувинская диаспора в столичном мегаполисе стала представлять собой разнородную и разнородную общину, не имеющую юридического оформления и не представленную в органах власти. В целом, она состоит из «старожилов» и «новоселов» — по времени переселения, а также в среднем из двух-трех поколений — по демографическому составу.

К старожилам можно отнести выходцев из Тувы советского периода, которые фактически десятки лет уже являются москвичами, но которые осознают чувство этнической принадлежности к тувинскому этносу, сохраняют и поддерживают память об исторической родине и «материнской» культуре. Часть их детей родилась в Туве, но с раннего детства социализировалась в мегаполисе, другая часть второго и уже почти все третье поколение родились и выросли в Москве. В основном, причины «исхода» первого поколения «старожилов» из Тувы были субъективно-семейными, самознания диаспоры у них не было выработано.

Черты общинности у мигрантов Тувы в Москве стали проявляться в связи со «второй» волной миграции, с появлением «новоселов». В постсоветское время, когда многие российские регионы, в том числе и Тува, стали испытывать значительные экономические трудности, сопровождаемые проблемами в политической и социальной сферах, длительные кризисные явления стали приводить к переме-

нам отношения тувинцев к дому, к Родине, к миграции. В рамках самой республики отмечены внутренние массовые перемещения сельского населения в города, прежде всего в столицу — Кызыл. Дошло до того, что впервые за всю историю Тувы численность городского населения в традиционно аграрном-животноводческом регионе превысила численность сельского и достигла 51,5%. Также появилась и внешняя миграция за пределы республики, в том числе и в один из наиболее притягательных во многих отношениях центров — в Москву.

К этой волне примыкает обратная миграция некоренного населения из Тувы в другие российские регионы. В республику ранее активно приезжали в качестве специалистов для воплощения в жизнь социалистических идей (братской помощи по поднятию экономики одной из советских автономий), а также позднее основной причиной стали заработки. В условиях экономического кризиса постсоветского времени некоренные жители стали возвращаться в места прежнего проживания или на малую Родину своих родителей, предков. В зависимости от продолжительности проживания их в Туве эти мигранты приобрели черты культурной сопричастности, и даже принадлежности к региону, к этносу. Этот фактор идентичности, декларируемый ими (типа, «мы — «тувинцы», то есть выходцы из Тувы), позволяет с определенной долей условности относить часть выходцев из республики некоренной национальности к представителям тувинской диаспоры, «разбавляя» тем самым ее главную — этническую основу.

Согласно схеме эволюции диаспоры как системы З. И. Левина, тувинская диаспора находится на переходной стадии между выживанием на чужбине (первая стадия) и формированием общины-анклава (вторая стадия). Как определяет Левин, у общины в это время происходит накопление иммигрантской массы и ее структурирование¹⁰. В жизни рассматриваемого мною объекта уже можно усмотреть черты общинности, выделить группы по интересам, в том числе по мере укрепления на новом месте обитания.

«Старожилы» диаспоры практически все являются столичными жителями, имеющими

постоянную регистрацию, свое жилье и работу по специальности. «Новоселы» в своем большинстве имеют лишь временное жилье, часть из них трудится не по своей специальности, устраиваясь на подработки. К числу особенностей самосознания «новоселов» можно отнести чувство временной оторванности от исторической родины, подкрепленное отсутствием постоянного жилья, нестабильным материальным положением. Однако, это не мешает в случае благоприятного стечения обстоятельств находить подходящую для них работу, устраиваться в столице далее, формируя диаспоральное сознание. К числу таких выживающих также можно отнести и учащихся Тувы в высших учебных заведениях Москвы, часть из которых помимо учебы имеет подработки. Тувинские студенты, а также аспиранты и пр. имеют свою форму объединения — молодежное тувинское землячество, составляющую приблизительно половину численности всей диаспоры (800–1000 чел.). Молодежное «крыло» считается частью общины и принимает участие в ее жизни. Часть бывших учащихся остается и далее в столице работать, не возвращаясь пока в Туву.

По степени участия в функционировании диаспоры, можно выделить две условные группы: 1) деятельных индивидов — активистов (несколько десятков человек), 2) пассивные слои, принадлежность к диаспоре которых определяется лишь фактором этнокультурной идентификации. Сама же диаспора, как я уже упоминала, не имеет юридического оформления, а также не имеет представителей в органах власти в силу ряда причин субъективного и объективного характера. К объективным причинам можно отнести тот факт, что потребность в объединении, общении здесь имеет только этнокультурные основания, а не желание защищать, скажем, особые юридические права и пр. Среда и обстоятельства достаточно благоприятны: одно государство, одно советское прошлое, один государственный язык. Мигрантам из Тувы в Москве трудно, но только в силу того, что приходится адаптироваться со своим тяжелым «багажом» традиций в более модернизированном социуме, решая в этом плане задачу лично-

стной, персональной модернизации, нахождения своего места в новом социуме. Члены диаспоры находятся в общественной среде с прева-лированием русско-российской идентичности и культуры, в связи с чем оказываются в обратной ситуации и испытывают от этого определен-ный дискомфорт: дома они были большин-ством, здесь они — меньшинство.

В исследовании, посвященном современному состоянию этнического развития зарубежных тувинцев, проживающих в Монголии и Китае, М. В. Монгуш рассматривает следующие аспекты: этническое самосознание, этноязыковую ситуацию, материальную и духовную культуру, а также межэтнические отношения¹¹. В ее работе «разбираются» этнолокальные группы, находящиеся в сельской местности, и соответствен-но приближенные к условиям сохранения и раз-вития традиционной культуры животноводов, кочевников. Несмотря на это, исследовательница фиксирует много изменений в этнокультур-ной жизни и прогнозирует интегрирование ту-винской культуры с культурой окружающих ее этнических групп, взаимное обогащение, а так-же, все большее размывание¹².

Условия московского мегаполиса являются еще менее благоприятной средой для сохране-ния и развития традиционной культуры среди тувинских жителей российской столицы. Здесь также надо сделать уточнение, касающееся то-го, что именно из традиционной культуры мо-гут «вывезти» из Тувы мигранты. Собственно процесс урбанизации, начавшийся в самой Туве, уже внес в XX веке определенные коррективы в традиционную жизнь этноса. Перевод кочев-ников на оседлый образ жизни, завершившийся в Туве в середине XX века, принес положи-тельные изменения (появились система здравоо-хранения, образования, национальные виды искусства и пр.), которые сопровождалась отрицательными моментами. Социальная поли-тика проводилась необдуманно и во многом привела к потере части традиционной культу-ры, являвшейся неотъемлемой частью кочевого быта. Трансформация традиционности — сама по себе закономерный процесс, который про-исходит с абсолютным большинством обществ современности. Однако, резкий разрыв хозяй-

ственно-культурной преемственности и социо-культурная травма, появившаяся в историчес-кой памяти народа, предопределили острый общественный кризис постсоветского периода.

В начале 1990-х годов речь шла о возрожде-нии тувинской национальной культуры — на волне общего сдвига в России этнического в сферу политики¹³. Были возвращены элемен-ты религиозной обрядности, старые календар-ные праздники, и многое другое. Полный воз-врат в кочевой быт был, естественно, невозмо-жен. Ренессанс касался лишь в первую очередь основ и элементов духовной культуры, начиная от религии и языка, заканчивая отдельными ви-дами этнического искусства. Городская жизнь способствовала смещению этнической специ-фики из сферы материальной культуры в сфе-ру духовной.

(Окончание следует)

¹ См.: Тощенко Ж. Постсоветское простран-ство: суверенизация и интеграция. Этносоцио-логические очерки. М., 1997. С. 80.

² См.: Лаллукка С. Диаспора. Теоретиче-ский и прикладной аспекты // Социол иссле-дования. 2000, №7. С. 92.

³ См.: Тишков В. А. Реквием по этносу. М., 2003.

⁴ См.: Колосов В. А., Галкина Т. А., Куйбы-шев М. В. География диаспор на территории бывшего СССР // Общественные науки и совре-менность. 1996, №5. С. 35.

⁵ См.: Левин З. И. Менталитет диаспоры (сис-темный и социокультурный анализ). М., 2001. С. 74.

⁶ См.: Там же. С. 135.

⁷ См.: Монгуш М. В. Тувинцы Монголии и Китая. Этнодисперсные группы (история и современность). Новосибирск, 2002.

⁸ См.: Арутюнян Ю. В. О потенциале межэт-нической интеграции в московском мегаполисе // Социол. исследования. 2005. №1. С. 26–40.

⁹ Люди Центра Азии. Кызыл, 2006. Т. 3. С. 327.

¹⁰ См.: Левин З. И. Указ. соч. С. 45.

¹¹ См.: Монгуш М. В. Указ. соч.

¹² См.: Там же. С. 28.

¹³ См.: Губогло М. Н. Идентификация иден-тичности. Этносоциологические очерки. М., 2003. С. 199–201.